

УДК 616.641.6.23

© Пересадин Н.А., Фролов В.М., 2012

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ: МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ (к 120-летию со дня рождения)

Пересадин Н.А., Фролов В.М.

ГУ «Луганский государственный медицинский университет»

«Тридцать лет я употребил на скитания. Я коротал дни с людьми всех народов и грелся у многих костров. Я видел частицу великой красоты, наполняющей вселенную. Тридцать лет я употребил на учение и последние тридцать лет – на творчество. Счастлив тот, кто, прожив такую жизнь, оставил потомкам чекан души своей»

Саади, персидский поэт
(1213 – 1292)

Константин Георгиевич Паустовский (1892 – 1968) в историю литературы вошёл как неподражаемый мастер слова, великолепный знаток русской речи, пытавшийся, и небезуспешно, сохранить её удивительную свежесть и чистоту. В своих многочисленных рассказах, удивительных повестях и нескольких интереснейших романах этот оригинальный писатель сумел, как никто, отразить чудесные картины природы и красоту простых мужественных людей [1]. Константин Паустовский был непревзойдённым рассказчиком, умел самообытно видеть и по-новому открывать окружающий мир, повествуя увлекательно и оптимистично о добром, светлом и вечном. Его оригинальным творческим кредо было романтическое восприятие мира и при всём при этом он умудрялся оставаться реалистически точным и документально конкретным художником и глубоким исследователем одновременно. По своей креативной манере, как считают маститые литературоведы [5, 7, 11, 13], он был очень близок к знаменитому сказочнику Хансу Кристиану Андерсену (1805 – 1875): он так же, как Андерсен, мог увидеть и рассмотреть в обыкновенном, вполне обыденном и тривиальном, весьма необычайное и вообще уникальное; произведения Паустовского, как и его великого предшественника датчанина, всегда были событийными, а любое описываемое в них происшествие оказывалось из ряда вон выходящим и крайне захватывающим [2].

Родился Константин Паустовский в Москве 19 (31) мая 1892 года в самом центре белокаменной в Гранатном переулке, третьим по счёту ребёнком в семье железнодорожного статистика, служившего в Управлении железной дороги. Отец писателя, которого Костя очень любил и с благодарностью вспоминал всю свою последующую жизнь, происходил из рода запорожских казаков, переселившихся после разгрома Сечи на берега реки Рось в районе Белой Церкви. Там жили дед Константина Георгиевича – бывший николаевский солдат и бабка – турчанка. Отдалённым предком будущего писателя Паустовского был знаменитый украинский гетман Пётр Сагайдачный (1560 – 1622) [33]. Отец Кости, Георгий Максимович, однако, добродушно посмеивался над своим «гетманским происхождением» и любил говорить, что «... наши деды и прадеды пахали землю и были самыми обычными терпеливыми хлеборобами, хотя и считались

потомками запорожских казаков». Из истории известно, что когда Запорожская Сечь при царице Екатерине Второй была ликвидирована (1755), часть реестровых казаков поселили по берегам реки Рось, около Белой Церкви. Хорошо известно, что дед Константина Паустовского Максим Григорьевич служил в николаевской армии, был на турецкой войне. Попав в плен, он вскоре был освобождён нашими войсками и привёз из зарубежья, из знаменитого на весь мир Казанлыка во Фракии (территория нынешней Болгарии), славящегося непревзойдённой Долиной Роз, молодую красавицу – жену, турчанку Фатьму. Выйдя замуж за бравого солдата, турчанка приняла христианство и при крещении получила новое имя – Гонората. После освобождения из турецкого плена Максим Григорьевич был некоторое время чумаком. Он ходил на волах в Перекоп и Армянск за солью и сушёной рыбой. От него маленький Костя Паустовский впервые услышал, что где-то за голубыми и золотыми степями Катеринославщины и Херсонщины лежит райская крымская земля.

В первой части своей автобиографической эпопеи, названной писателем «Далёкие годы», в самой первой главе рассказывается о смерти Георгия Максимовича Паустовского. Отец Кости умер в возрасте пятидесяти лет от рака гортани. Он был статистиком и прослужил немало лет на разных железных дорогах – Московско–Брестской, Петербурго–Варшавской, Харьковско–Севастопольской и Юго–Западной. Семья Паустовских довольно часто переезжала с места на место. Всюду отец «не уживался с начальством». Он был очень самолюбивый, горячий, но в то же время добрый и глубоко порядочный человек, органически не переносивший несправедливость. Несмотря на свою довольно сухую профессию статистика, требующую трезвого и взвешенного взгляда на вещи, Георгий Паустовский был неисправимым мечтателем и романтиком, из-за чего никогда не засиживался подолгу на одном месте. После Москвы он служил в Вильно (нынешний Вильнюс, столица Литвы), затем в старинном городе Пскове и, наконец, «бросил якорь» более или менее прочно в Киеве, где и прошло детство будущего замечательного литератора.

Матерью писателя Паустовского была дочь служащего сахарного завода, женщина довольно красивая, но весьма властная, суровая и, в отличии

от отца, большая реалистка и далеко не романтичная. Семья Паустовских была большая и разностронняя, склонная к занятиям разными видами искусств: в семье очень любили петь, вдохновенно играть на рояле, горячо спорить о литературных и журнальных новинках, благоговейно относились к театральным постановкам, не пропуская ни одной мало-мальски значимой киевской премьеры. Когда пришло время, мальчик поступил в Первую киевскую классическую гимназию, где в то время как раз учился Михаил Булгаков, неизменно бывший лидером в мальчишеских потасовках и сочинении метких прозвищ преподавателям. В «Книге скитаний» (1963) Паустовский поместил реально имевший место эпизод из своих школьных воспоминаний, когда гимназический инспектор строго отчитывает будущего автора «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты» за прозвище, «припечатанное» не кому-нибудь, а самому директору гимназии: «Ядовитый имеете глаз и язык, - с сокрушением говорил инспектор Бодянский. - Прямо рвётесь на скандал, хотя и выросли в почтенном профессорском семействе. Это ж надо придумать! Ученик, вверенной нашему директору гимназии, обозвал этого самого директора «Маслобоем»! Неприличие какое! И срам! Глаза же при этом у Бодянского смеялись» [3]. Пути Михаила Булгакова и Константина Паустовского ещё раз пересеклись, когда оба учились в Киевском университете. Но до университета ещё было несколько лет трудной учёбы в гимназии. Когда Костя Паустовский был в шестом классе, родители его развелись, и с тех пор он сам должен был зарабатывать себе на жизнь и дальнейшее учение. Мальчишке пришлось перебиваться довольно нелёгким репетиторским трудом (как в своё время Антону Павловичу Чехову перед поступлением на медицинский факультет Московского университета). В последнем классе гимназии Константин написал свой первый рассказ «На воде», который был в 1912 году напечатан в 32-м номере киевского литературного журнала «Огни» под псевдонимом «К. Балагин». Следует отметить, что это был единственный рассказ, напечатанный Паустовским под псевдонимом. В том же году в киевском журнале для молодёжи с романтическим названием «Рыцарь» (№1 за 1912 г.) был опубликован и рассказ Константина Паустовского «Трое».

После успешного окончания гимназии Константин поступает на естественно – исторический факультет Киевского императорского университета имени св. князя Владимира и учится там с 1911 по 1913 год, а затем переводится на юридический факультет Московского университета и переезжает в белокаменную. Начавшаяся Первая мировая война однако не позволила ему завершить высшее образование, Константин уходит добровольно на фронт санитаром и служит вначале в тыловом, а после и в полевом санитарных поездах. Осенью 1915 года молодой человек переходит с санитарного поезда в полевой санитарный отряд и проходит с ним длинный и трудный путь отступления от Люблина в Польшу до городка Несвижа в Белоруссии. Многие солдаты вспоминали потом добрым словом умелые руки этого совсем ещё юного санитаря, как никто умевшего утихомирить боль и успокоить расшалившиеся нервы. Вскоре этот успешный начинающий медик из случайного обрывка газеты узнает, что в один и тот же роковой день на разных фронтах погибли оба его брата, и воз-

вращается к матери в Москву. Однако долго Константин высидеть на одном месте (как и его отец) не мог и вскоре продолжил «скитальческую» жизнь: уехал в Екатеринослав (ныне Днепрпетровск) и работал там на металлургическом заводе, затем оказался в Черкассах, на Днестре, где жила ещё одна бабушка Кости – высокая старуха-полька Викентия Ивановна, ходившая всю жизнь в трауре после разгрома польского восстания 1863 года. Дедом писателя по материнской линии был всегда угрюмый нотариус, страстный любитель курения, у которого была страшно мучившая его застарелая бронхиальная астма.

Тяжелая «отвратительная астма» (так называл свою хроническую болезнь писатель) была впоследствии и у самого К.Г. Паустовского. В письме к писателю В.А. Каверину из Тарусы 16 сентября 1957 г. Константин Георгиевич писал: «Дорогой Вениамин Александрович, – не сердитесь на меня, милый, за то, что я так долго молчал в ответ на Ваше доброе письмо. Я никак не мог привести себя в «надлежащую форму» для спокойной повседневной жизни из-за своей отвратительной астмы. Жил я в одну десятую дыхания, и это сказывалось на всём» [12]. Отметим попутно, что тяжёлая бронхиальная астма отравляла жизнь и знаменитому Максимилиану Волошину (см. нашу статью о нём в № 4 «Українського медичного альманаха» за 2011 г.), а также такому выдающемуся французскому писателю, как Марсель Пруст (1871 – 1922) – автору известнейшего цикла романов «В поисках утраченного времени», вокруг которого и в XXI веке не утихают споры литераторов и философов.

Нам следует вернуться к школьным годам К.Г. Паустовского, чтобы лучше понять не только истоки его инвалидизирующей болезни, но также и условия формирования характера личности и органическое основание его будущего литературного творчества. В подготовительный класс Первой киевской гимназии Костя Паустовский пошёл в сентябре 1902 года. Гимназию окружал знаменитый на весь Киев сад – столетний дивный парк, занимавший посредине города целый квартал. Уже тогда, мальчиком, Паустовский искренне любил очаровательные сады и уютные парки, ароматные цветущие деревья и густой непролазный кустарник. Он никогда в жизни не ломал веток, не разорвал птичьих гнёзд. Может быть, потому, что его польская бабушка Викентия Ивановна искренне и глубоко убеждённо внушала Костику, что «мир чудо как хорош и человек должен жить в нём и трудиться, как в большом саду» [19].

Косте на редкость повезло с учителями. Любимым его преподавателем был Пётр Петрович Черпунов, который необычайно увлечённо вёл географию и сам при этом был заядлым путешественником, устроившим у себя дома настоящий естественно-исторический музей, в котором были чучела колибри, всевозможных попугаев, большая коллекция тропических бабочек с необычайно красивой расцветкой, современный, довольно мощный, телескоп, редкостные минералы и даже золотой самородок. Тепло и нежно Паустовский рассказал об этом удивительном человеке, которого боготворили киевские гимназисты, в главе «Вода из реки Лимпопо» своей автобиографической повести «Далёкие годы». В этой прекрасной повести автор наряду с многочисленными событиями своей жизни в Киеве, в Брянской губернии и в Крыму упо-

минает о состоянии своего здоровья, о мучивших его приступах головных болей и об астматических приступах удушья, появившихся ещё в ранние гимназические годы. Дадим слово самому Паустовскому: «... Я долго... не мог вздохнуть полной грудью. Пыль, беготня на переменах, постоянный страх, что тебя вызовут к доске, пальцы в чернилах, тяжёлый ранец и, как отзвуки потерянной жизни, мелодичные звонки киевских трамваев за окнами, отдалённый свист шарманки и гудки паровозов, долетавшие с вокзала. Оттуда отходили тяжёлые поезда и неслись, попыхивая паром, через рощи и скошенные поля, в то время как мы, согнувшись над партами, задыхались от меловой пыли, стёртой сухой губкой с классной доски» [19].

В четырнадцатилетнем возрасте, сильно простудившись на море, Костя перенёс двухстороннее воспаление лёгких. Болел пневмонией он тяжело и довольно долго. Все ночи напролёт он почти не спал. Дышать было весьма больно. По этой причине Костя изо всех сил старался дышать крайне осторожно, неглубоко и с тоской смотрел на стены комнаты. Нередко он бредил, и ему казалось, что на грудь садилась тяжёлая как камень бабочка, и что она была способна раздавить его юное страдающее сердце. Весьма авторитетный местный эскулап сказал, что после того, как Костя встанет с постели для окончательного выздоровления, ему нужно будет пожить в сухом целебном климате Крыма, в Ялте или Алуште не меньше двух месяцев, до самого ноября. В дни постепенного выздоровления, ещё слабый после изнуряющей болезни мальчик, всё время сидел на застеклённой террасе под осенним, не очень жарким солнцем и читал. В комоду у хозяйки он случайно нашёл старинную книгу «Тристан и Изольда» и несколько раз прочёл эту удивительную легенду. Он решил сам написать что-нибудь вроде этой грустной истории и несколько дней сочинял повесть. Однако дальше описания виденной им как-то морской бури у скалистого берега юный «сочинитель» не пошёл. Вместо романтической повести он написал свои первые стихи, которые, однако, впоследствии изгладились из его памяти, оставив лишь одну строчку: «*О, срывайте цветы на поникших стеблях...*»

В том же году в семье Паустовских всё как-то сразу переменялось к худшему. Отец крупно поссорился с самим начальником Юго-Западной железной дороги и в сердцах бросил службу. Семейное благополучие сразу же закончилось. Жили тем, что распродавали домашнюю, иногда довольно ценную, мебель, картины и даже кухонную посуду. Старшие братья Паустовского – студент Киевского политехнического института Борис и гимназист Дима репетиторствовали. Родители окончательно расстались, а Костя уехал в Брянск к родному дяде по материнской линии. Дядя Коля был хорошим металлургом – профессионалом, печатавшим свои оригинальные научно-прикладные труды даже в парижском журнале «Ревю де металуржи». Жадность дяди Коли к жизни была необычайной. Казалось, не было таких вещей, которые бы его не интересовали. Он выписывал почти все литературные журналы, прекрасно играл на рояле, хорошо знал астрономию и античную философию, был неистощимым выдумщиком и остроумным собеседником. Все события и подробности брянской жизни хорошо изложены Паустовским в первой повести

его шеститомной автобиографической эпопеи. Так, в своё время Костя стал постоянным помощником друга дяди Коли некоего Кузьмина – Караваева, открывшего в Брянске торговлю бакалейными товарами. Всё свободное время молодой человек проводил в лавке (как некогда юный Антоша Чехов): откупоривал пахучие ящики с бакалейным товаром, развешивал соль, муку и сахар. Костя никак не мог привыкнуть к брянской гимназии, поскольку все гимназисты в классе были значительно старше. В конце концов он написал письмо своему бывшему преподавателю латинского языка Субочу и авторитетный педагог добился, чтобы Паустовского зачислили обратно в Первую киевскую гимназию, причём с освобождением от оплаты. Заботливый преподаватель латыни предложил шестнадцатилетнему гимназисту также несколько различных репетиторских уроков. Константин отчётливо понял, что с этой поры он уже сам, ни на кого не надеясь, должен ответственно строить свою собственную жизнь. Мать Кости вместе с его братом Димой и сестрой Галей переехала в Москву, а отец, так и не помирившийся с женой, получил работу в посёлке Бежица, находившемся в восьми километрах от Брянска. Следует отметить, что здоровье Костика в ту пору было не очень крепким, у него при нервных переживаниях и психоэмоциональных перегрузках постоянно кружилась и сильно болела голова, он даже иногда падал в обморок. В эти дни Костя начал писать стихи, в которых всё тонуло в расплывчатой грусти и мальчишечьей тоске. Стихи, в общем-то, были довольно посредственные, ничем особо не примечательные, но «зуд стихотворства» властно требовал изливать свои мысли и чувства на бумагу.

Когда Паустовский осенью вернулся в Киев, его встретили с большой радостью, любовью и дружеским участием как преподаватели, так и одноклассники. Отметим, что готовя материалы к биографии К.Г. Паустовского, мы руководствовались приёмами и методами научного анализа и обобщения, используя обширные сведения из разнообразных информационных источников (монографии, статьи в журналах, пособия, газетные статьи и др.), а также произведений самого писателя и воспоминаний его родных и близких [7, 14, 15, 18]. В быстро разошедшейся по рукам специалистов и ставшей раритетом монографии И.Я. Лосневского «Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии», приводится интересная таблица «Типы научных биографий». В соответствии с этой таблицей интересующий нас тип биографии писателя Паустовского формально является по сути дела сложноставной научной биографией. По характеру отражения и интерпретации информационного материала (преимущественно документального) в соответствии с творческими задачами биографа – фактографической, жизне-творческой, а по типу отражения, по формальным признакам в соответствии с предназначением биографического текста – научно-аналитической. Как известно, воссоздание образа выдающегося человека всегда продолжается в сознании читателя, который самостоятельно осваивает представленный в фактографической биографии и систематизированный исследователем – биографом обширный документальный и познавательно-эмоциональный материал.

После обретения нашей страной независимо-

сти, в украинском социуме резко возросло внимание к отечественным историко-биографическим исследованиям. В этом плане образ писателя Паустовского, чья жизнь и деятельность (особенно в молодые годы) была тесно связана с Украиной, представляет особый интерес (в том числе и для читателей – медиков). Паустовский с большой любовью писал о своих киевских учителях, которые внушали гимназистам высокую любовь к культуре, уважение и внимание к великолепным киевским театрам, стимулировали и поддерживали в юношестве увлечение философией и поэзией во времена, когда ещё были живы Толстой и Чехов, Серов и Левитан, Скрябин и Комиссаржевская. Юноши без памяти увлекались современной и античной поэзией и литературой. Однако истинное познание родной литературы, всей её классической ясности и глубины, пришло к гимназистам позже, чем понимание более легкой литературы Запада. Западная литература привлекала молодых киевлян изяществом, спокойствием и совершенством изображения. Холодный и прозрачный Проспер Мериме был гораздо легче, чем мучительный Фёдор Достоевский. У Мериме или у Густава Флобера всё было ясно, как в летнее утро, а Фёдор Михайлович надвигался, как гроза с её тревогой и желанием спрятаться под надёжную крепкую крышу. И Чарльз Диккенс не знал мучительных волнений. И Виктор Гюго. И Оноре де Бальзак.

Кроме литературы любознательных гимназистов весьма волновала живопись. На величественной мраморной доске в огромном актовом зале золотыми буквами были начертаны имена медалистов и знаменитых людей, которые окончили в своё время Первую киевскую гимназию. В числе этих выдающихся талантов был замечательный художник Николай Ге, однако сверстники Кости совершенно не признавали портретиста за тёмный фон и нравучительность его картин, повально увлекаясь модными в то время импрессионизмом. Между тем Костя Паустовский жил в Киеве совершенно один и зарабатывал себе на жизнь дешёвыми уроками. Заработанного едва-едва хватало только на скромную еду и на книги, но будущий писатель совершенно не ощущал, должно быть по молодости, никакой душевной тяжести и тревоги. В Киеве в то время издавался журнал с романтическим названием «Рыцарь». Редактировал его известный литератор и любитель искусств Евгений Кузьмин. Журнал считался, да и действительно являлся «трибуной молодых талантов». Рассказ Паустовского «Четверо» с подзаголовком «Эскиз» был напечатан в №10 – 12 (октябрь-декабрь) этого журнала за 1912 год. Когда вышел номер «Рыцаря» с этим рассказом, бабушка Кости устроила праздничный завтрак: она радовалась первой публикации любимого внука даже гораздо больше, чем сам юный автор. Следует отметить, что Костя с бабушкой очень дружил, любя её больше, чем своих других родственников. Викентия Ивановна платила внуку тем же. Хотя она родила и воспитала пятерых дочерей и трёх сыновей, тем не менее, как это часто бывает, в старости жила совершенно одна. У неё тоже, по существу, никого более родственного по духу не было. Из этого их одиночества и родилось взаимная привязанность. Несмотря на разницу лет, у Кости с бабушкой было много общего. Викентия Ивановна боготворила классические стихи, старые книги, природу, деревья, и в особен-

ности небо, а также собственные размышления. Любимыми её произведениями, которые Костя брал в библиотеке Идзиковского на Крещатике, были романы Шпилльгагена, Болеслава Пруса, Крашевского, рассказы В.Г. Короленко и Элизы Ожешко.

В главе «Рассказ ни о чём» первой книги своей автобиографической эпопеи, Паустовский повествует об истории подготовки и публикации рассказа «На воде», который был напечатан в журнале «Огни» под псевдонимом «Балагин». Именно этим опубликованным рассказом датируется начало литературной деятельности К.Г. Паустовского в отечественном литературоведении. Мысль о писательстве как об единственной жизненной дороге возникла у Кости уже вскоре после окончания гимназии и окончательно укрепилась в годы учёбы в университете. Мятежная юность будущего писателя началась в последних классах гимназии и завершилась вместе с началом Первой мировой войны. Окончилась она гораздо раньше, чем следовало, но на долю Костиного поколения выпало столько войн, революций, переворотов, испытаний, надежд, труда и радости, что всего этого хватило бы на несколько поколений предков. В первые университетские годы Паустовский очень много работал с литературой. Он читал и перечитывал Пушкина, Гейне, Фета. Был очень увлечён Леконтом де Лилем, Диккенсом и Лермонтовым. Константин горячо верил, что жизнь готовит ему много очарований, встреч, любви и печали, радости и потрясений, и в этом предчувствии было великое счастье его юности. Из-за сильной близорукости, а также в связи с тем, что он был младшим сыном в семье и студентом университета, Костю от военной службы освободили.

Осенью 1914 года брат Дима, живший с матерью и сестрой Галей в Москве, получил назначение в Навагинский пехотный полк, и Костя, как единственный остававшийся мужчиной в семье Паустовских (не призванный в войска), перевёлся из Киевского в Московский университет. Инженер Захаров, который снимал ставшую пустой комнату Димы Паустовского, предложил устроить Костю вожатым на московский трамвай и Константин, настойчиво думающий о писательстве, жаждущий накопить жизненный опыт, откуда будут братья мысли, сюжеты, образы и слова, с радостью согласился. Вожатым в Миусском трамвайном парке работал он недолго, поскольку вскоре Костю из-за плохого зрения и некоторых «вызывающих» поступков (сказалась отцовская наследственность – склонность к конфликтам с «начальством») перевели в кондукторы. Трамвайной службе Паустовский обязан был тем, что хорошо изучил Москву, этот многоликий и довольно беспорядочно застроенный город со всеми его Зацепами, Стромынками, трактирами, больницами, рощами, слободами и башнями. В 1914 году Москва, в которой жили Паустовские, была глубоким тылом. Только обилие раненых и искалеченных на фронтах да траурные платья женщин напоминали москвичам о войне. Очень скоро Константин стал работать в ночную смену в трамвайных санитарных вагонах, развозивших раненых с вокзалов по госпиталям. Чаще всего возить раненых приходилось в главный военный госпиталь в Лефортово. «Лефортовские ночи!» – воскликнет позже писатель Паустовский, – «Ночи войны, страданий и размышлений о путях

человека по извилистой и трудной жизни. Это были ночи моей возмужалости. С каждым днём ссыхалась и отлетала некогда блестящая мишура моих представлений о действительности. Жизнь входила в сознание как нечто суровое и требующее постоянной работы для того, чтобы очистить её от грязи, сукровицы и обмана и увидеть во всём её великолепии и простоте» [25].

В октябре 1914 года Костя Паустовский увольняется с московского трамвая и поступает добровольно санитаром в тыловой военно-санитарный поезд Союза городов. Почти все санитары тылового поезда были добровольцы – студенты. За каждым из санитаров был закреплён пассажирский вагон на сорок раненых. Делом чести считалось «надраить» свой вагон до корабельного блеска, чтобы старший врач поезда, член Государственной думы Покровский, осматривая состав перед очередным рейсом, не имел никаких претензий к состоянию чистоты. Обслуживая «свой» вагон, санитары должны были не только обмыть, напоить и накормить всех раненых, но и проследить за их температурой, состоянием перевязок и вовремя дать всем лекарства. Многие раненые не могли есть сами, поэтому их приходилось кормить и поить. Утром санитары обмывали раненых, а после того мыли в вагоне полы раствором резко пахнущей карболки. На тыловом санитарном поезде Паустовский сделал несколько рейсов из Москвы в разные города Средней России. В это время он побывал в Ярославле, Иваново-Вознесенске, Самаре, Арзамасе, Казани, Симбирске, Саратове, Тамбове и в других местах, куда перевозили раненых для дальнейшего излечения. Со временем Костю назначили санитаром при операционном вагоне. Целые дни напролёт он протирал белые стены этого вагона скипидаром, тщательно мыл полы, стерилизовал в автоклаве бинты и марлю. В плане реализации цели нашей статьи – описания медицинских аспектов жизни писателя К.Г. Паустовского отметим, что именно в годы Первой мировой войны он пристрастился к курению, что сыграло весьма негативную роль в дальнейшем прогрессировании бронхиальной астмы, мучившей Константина Георгиевича всю жизнь до самой смерти. Заядлыми курильщиками был и отец писателя, умерший от рака гортани в пятьдесят лет, а также и оба деда писателя, один из которых также страдал тяжёлой формой бронхиальной астмы [28].

Но вернёмся к годам службы молодого санитаря Кости Паустовского. Его труд был физически и морально очень тяжёлым, что видно из следующего описания: «Каждые четверть часа у себя в операционном блоке я смывал с полов, покрытых линолеумом, кровь, убирал заскорузлые, пропитанные засохшей кровью повязки, потом меня звали к операционному столу, и я, плохо соображая, что делаю, держал ампутированную ногу раненого, стараясь не смотреть как Покровский пилит белую сахарную кость стальной цепкой пилкой. Внезапно нога делалась очень тяжёлой, и сквозь какую-то муть в сознании я соображал, что операция уже окончена, и относил отрезанную ногу в цинковый ящик, чтобы похоронить её на остановке. Пахло кровью, валерьянкой и горящим спиртом. На спиртовках непрерывно кипятили хирургические инструменты. С тех пор синеватое спиртовое пламя связано у меня в памяти с невыносимым страданием, покрывающим лица людей серым мертвенным

холодным потом» [28]. С тех военных времён будущий писатель Паустовский вынес выстраданное глубокое убеждение, что способность человека ощущать печаль – одно из свойств настоящей личности. Тот, кто лишён чувства печали, так же жалок, как и человек, не знающий, что такое радость, или потерявший ощущение смешного. Выпадение хотя бы одного из этих эмоциональных чувств свидетельствует, как считал писатель, о непоправимой духовной ограниченности личности.

В пору службы санитаром Паустовский начал писать очерки для газет. Первый опубликованный им очерк назывался «Синие шинели». В нём замечательно описывалось как был взят в плен многочисленный гарнизон австрийской крепости Перемышль. Константин лично видел этих пленных австрийцев, носивших синие военные шинели, в Бресте. Впечатления от увиденного легли в основу данного очерка. Вскоре Паустовского перевели в полевой санитарный отряд. Увиденного, услышанного, прочувствованного будущему писателю хватило на всю оставшуюся жизнь. Иные раненые кричали от боли, другие, стиснув крепко-накрепко зубы, ругались и постанывали. Один пациент выносливостью поразил даже видавшего виды невозмутимого доктора Покровского. У раненого были повреждены кости таза. Боль он испытывал нечеловеческую, но в операционный вагон пришел самостоятельно, без поддержки санитаров, хватаясь за стены. Во время перевязки он попросил только разрешения закурить «для лёгкости». Он ни разу не застонал, не вскрикнул, всё время успокаивал врача и медсестру, помогавшую доктору вынимать осколок снаряда и делать сложную глухую повязку. «Ничего! – говорил он. – Терпимо. Вполне даже терпимо. Вы не беспокойтесь, сестрица». Боль выдавали только глаза. С каждой минутой они всё сильнее выцветали, подёргивались желтоватым налётом» [28]. Удивительно точное «иридологическое» наблюдение писателя Паустовского!

Чего только не испытал на войне и вокруг неё наш прапорщик – санитар! Ему пришлось и роды принимать в лесу, и беженцам помогать, и участвовать в оцеплении белорусской деревни, где вдруг возникла вспышка чёрной оспы. О последнем эпизоде расскажем подробнее. Предоставим слово самому Паустовскому: «В деревне была чёрная оспа. Вокруг шла армия и валили по дорогам, застревая на время около попутных сёл, тысячи беженцев. Оспа могла легко переброситься в армию. Поэтому было приказано направить в деревню летучий санитарный отряд, деревню оцепить и никого из неё не выпускать. По каждому, кто попытается уйти из деревни, было приказано открывать огонь. В хатах останавливаться было нельзя – всюду лежали больные оспой. Только один пустой стодал стоял на выгоне. Там разместились чужая летучка. Мы перенесли в стодал свои медикаменты и вещи. В чужой летучке работали врач, сестра и два санитаров» [28]. Далее идёт описание встречи с больными: «Я впервые увидел чёрную оспу – багровые пылающие пятна с чёрными точками, похожими на присохший дёготь. Пятна казались наклеенными на зеленоватую кожу девочки. Девочка замотала головой. Тёмные её волосы рассыпались. Санитар принёс из сеней холодной воды. Он всё сокрушался, что больные связывают руки, чтобы они не расчесывали язвы. Лёля дала девочке напиток. Я поддерживал девочке голову. Даже

сквозь кожаные перчатки чувствовал сухой жар её худенького затылка. После камфары девочке впрыснули морфий. Лицо ей вытерли душистым укусом» [28].

Медики ходили по хатам, впрыскивали для обезболивания морфий, поили умирающих водой и с безмолвным отчаянием следили, как заболели те немногие, которым болезнь поначалу дала было отсрочку. Трупы стаскивали в стодола и затем, обложив соломой, их сжигали. Загорались они медленно, но горели жарко, распространяя тяжёлый зловонный дым. Руки санитаров, медсестёр и врача были сожжены карболкой до того, что их нельзя было помыть: от воды они невыносимо болели. В главе «Под счастливой звездой» автобиографической повести «Беспокойная юность» Паустовский подробно и очень прочувствованно рассказывает о смерти от оспы заразившейся при оказании помощи больным в этой деревне медсестры Лёли – его первой фронтальной любви. Характер жизни в ту пору хорошо выражали стихи Максимилиана Волошина [13]:

*«Изгнанники, скитальцы и поэты,
Кто жаждал быть, но стать ни чем не смог.
Для птиц – гнездо, для зверя – тёмный лог,
Но посох нам и нищенства заветы»*

Многочисленные поездки Паустовского по белорусским и польским местечкам, во время которых он «с непонятным упорством подвергал себя всяким лишениям: промокал, промерзал до костей, спал в стодолах, а то и просто на земле, почти ничего не ел и только курил одну за другой отсыревшие кислые папиросы», - не могли не сказаться отрицательно на состоянии здоровья и крепости духа молодого прапорщика. К тому же он получил осколочное ранение в ногу и пролежал в госпитале в Несвиже около месяца. В больнице Константин много читал. Среди прочитанного в то время произведения Генрика Ибсена («великого чернорабочего человеческого душ» по мнению Паустовского), книга Муратова «Образы Италии», благодаря которой Костя погрузился в «горьковатый воздух музеев и итальянских соборов», «Жизнь человека» Леонида Андреева и «простая и чистая» чеховская «Степь». Однажды, рассматривая старую измятую газету, Константин увидел в отделе погибших на фронте такую запись: «Убит на Галицийском фронте поручик отдельного сапёрного батальона Борис Георгиевич Паустовский», а немного ниже: «Убит в бою на Рижском направлении прапорщик Навагинского пехотного полка Вадим Георгиевич Паустовский». Это были два родных брата Кости, погибшие в один и тот же день.

Для поправки после ранения Константин получил в Союзе городов отпуск на два месяца. В течение этого времени Паустовский очень много писал. Писал о войне, о своём поколении в большой уверенности, что оно переделает мир, сделает его лучше и справедливее. Он начал готовить повесть о молодом человеке, писал её долго и медленно. Рукопись странствовала с начинающим писателем во все годы революции и гражданской войны и долго «вылживалась». В конце концов она была напечатана под названием «Романтики», но это было гораздо позже, уже в тридцатых годах [19].

Паустовскому довелось переменить ещё множество работ, прежде чем стать профессиональным писателем. Он был браковщиком снарядов на Брянском оружейном заводе в Екатеринославе

(ныне Днепропетровск), трудился на Новороссийском заводе в Юзовке (ныне Донецк), а также в Таганроге Ростовской губернии [30].

В Таганроге Костя записался в городскую библиотеку. Там в отдельных шкафах стояли раритеты, подаренные землякам великим Чеховым. Это были книги тогда уже полузабытых писателей – Потапенко, Щеглова, Эртеля, Измайлова, Баранцевича, Муйжеля – с автографами авторов или же с дарственными надписями самого Антона Павловича – тонкими, без нажима, похожими на врачебные рецепты. В Таганроге Паустовский работал сначала на заводе Нев-Вильдэ, затем на маслобойном заводе купца Ваксова. Желая доказать свой патриотический пыл, Ваксов поставил у себя на маслобойном заводе гидравлический пресс и начал жать из латуни снарядные стаканы. Но ничего из этой затеи не вышло. Ваксовский пресс изготавливал только ужасающий брак. Пришлось отказаться от работы на заводе и устроиться подручным рыбака с Петрушиной косы. Паустовский с увлечением постигал «рыбацкую науку», требовавшую большого опыта и особых, нигде не записанных навыков, которые передавались рыбаками из поколения в поколение. Постепенно Костя узнал все породы рыб, водившихся в мелководном и поэтому очень богатом рыбой Азовском море, их повадки, главные подводные «дороги» рыбных косяков. Он крепко усвоил небывалое количество рыбацких примет, навсегда запомнил все ветры (а на Азовском море их было много!) – трамонтан, бору, горшняк, гирловой, сгонный, низовку, верховку, керчак, левант и другие, более редкие. Эти знания пригодились Паустовскому в его последующей жизни, и особенно в писательском деле [27].

Вскоре молодому человеку пришлось вернуться в Москву. Руководство Союза городов дало рекомендательное письмо в редакцию одной из московских газет и там Паустовский познакомился с «королём московских репортёров», бывшим борцом и актёром, закадычным другом Чехова и Куртина знаменитым «дядей Гиляем» - Владимиром Александровичем Гиляровским. Двадцатитрёхлетний Костя снял маленькую комнату в Гранатном переулке – в том самом, где он появился на свет. Газетные очерки Паустовского очень нравились читателям. Костя знал лишь одно – что будет стремиться к этому делу ради служения своему народу, ради любви к «волшебному русскому языку и к удивительной... земле». Будет работать, пока у него пальцы смогут держать перо и пока не остановится сердце, переполненное свыше меры ощущением жизни» [26].

Мы намеренно уделяем значительное внимание годам становления личности знаменитого писателя, поскольку впечатления и жизненный опыт младых лет Паустовского оказали неоценимое влияние на последующую судьбу, литературный успех и человеческую миссию этого самобытного автора, тонко и проникновенно рассказавшего о преобразователях природы, о своём собственном пути, о литературном труде и об искусстве. Выражая себя, Паустовский необычайно ярко, сочно и многогранно отразил свою историческую эпоху. Профессиональным писателем К.Г. Паустовский стал в 20-е годы, пройдя своеобразную литературную школу в РОСТА (Российском телеграфном агентстве). К собственным произведениям он всегда относился предельно критически; современни-

ки вспоминали, как после чтения нового рассказа или отрывков из повести в кругу друзей, даже если слушатели воспринимали текст восторженно, он часто оставался недоложным собою и вполне мог ночью уничтожить написанное.

В двадцатые годы творчество Паустовского выразилось в сборниках очерков и рассказов «Морские наброски» (1925) (критика окрестила этот жанр Паустовского «художественным природоведением»), «Минетоза» (1927), «Встречные корабли» (1928) и в романе «Блестающие облака» (1929). Герои этих произведений – люди романтического склада, не терпящие рутин, серых будней и стремящиеся к удивительным приключениям и дальним путешествиям. Метод молодого писателя естественным образом сочетал в себе элементы фундаментальной и прикладной науки с искусством, а также аналитического исследования с художественным изображением. В эстетической системе Паустовского тех лет умиротворённый натуральный пейзаж и одухотворённый людской силуэт – излюбленные способы вдумчивого освоения зачастую непредсказуемой человеческой стихии и бесконечно разнообразного движения в естественной природе.

В тридцатые годы писатель публикует повести «Кара – Бугаз» и «Колхида», принесшие ему широкую известность. В них окончательно и бесповоротно определилась главная идея творчества Паустовского – человек должен бесконечно трепетно и необычайно бережно относиться к земле, на которой он живёт, а также к людям, его окружающим. Показателен в этом плане рассказ Паустовского «Доблесть» (1934): чтобы спасти от смерти семилетнего мальчика, получившего тяжелое повреждение головного мозга и нуждающегося в абсолютной тишине, приморский город погружается в полное молчание – автомобили передвигаются, крадучись, по окраинам, пароходы не дают гудков, люди переговариваются тихими голосами, газеты в экстренных выпусках сообщают о здоровье маленького пациента, а корабли западных держав морзянкой поздравляют наших моряков, имеющих такую прекрасную человеколюбивую родину. С того самого 1934 года произведения Паустовского преимущественно были посвящены описанию природы и изображению людей творческого труда. Он открывает читателю особую страну Мещёру – местность, расположенную к югу от Москвы, - и показывает необычайную красоту её лесов, озёр и болот в таких произведениях, как «Мещерская сторона» и «Повесть о лесах».

Показательно, что в повести «Колхида» К. Паустовский большое внимание уделяет медицинским аспектам проблемы осушения Колхидской низменности, в особенности связанные с массовыми заболеваниями местного населения болотной лихорадкой (малярией). Целых шестнадцать страниц этой повести непосредственно посвящены описанию больных малярией или особенностям колхидской малярийной природы. Например, К. Паустовский пишет: «Малярия покрыла жёлтым налётом белки его всегда улыбающихся глаз» [19, Т. 1. - С. 533]. Или «Колхидские джунгли – душные леса, перевитые лианами, гнилые озёра, вся эта запущенная, разлагающаяся на корню малярийная растительность» [19, Т. 1. - С. 535]. Далее: «Гримаса горечи никогда не сходила с его лица. Эта гримаса появилась у него от злоупотребления

хиной: Кахиани не спеша разжёвывал хинные таблетки и глотал их, не запивая [19, Т. 1. - С. 536].

К. Паустовский подчёркивает, что лихорадкой в Колхиде страдали не только люди, но и животные: «У собаки начинался приступ малярии. Она лежала, прикусив кончик языка, смотрела на хозяина жёлтыми глазами и тряслась от озноба» [19, Т. 1. - С. 547]. Или: «Каждый год умирали от лихорадки соседи и издыхали буйволы. А к началу революции деревня целиком вымерла от лихорадки. И не она одна. На памяти Гулии вымерло семь деревень» [19, Т. 1. - С. 549].

Даже относительно малых рек Колхидской низменности употребляются сугубо медицинские названия. Как пишет К. Паустовский: «Инженеры звали эти реки «паразитами» и «маляриками». Паразитами – за то, что они питались чужой водой, переливавшейся в низины из Риона и Хопи, а маляриками – потому, что течение этих рек было медлительным, как походка человека, замученного лихорадкой» [19, Т. 1. - С. 551]. «Гулия встал и побрел к Риону. Ноги ломило от сырости. Начался приступ малярии. Гулия стонал от озноба и медленно шел к лодке, спрятанной в кустах. Синие губы плясали, и вместо слов изо рта вырывались всхрипывания. Начался малярийный бред... Через два часа топограф Абашидзе наткнулся около своего дома в деревне Чаладидах на охотника, лежавшего в жестоком приступе лихорадки» [19, Т. 1. - С. 554].

Как отмечает К. Паустовский: «В Колхиде климат Южной Японии и Суматры, обилие тепла, а между тем это малярийная пустыня в полном смысле слова» [19, Т. 1. - С. 556]. Говоря о мероприятиях, которые были начаты в 1931-1932 гг. по борьбе с малярией в Колхиде, К. Паустовский подробно останавливается на использовании естественных методов осушения болот с помощью посадок эвкалиптов и применении итальянской рыбки гамбузии для уничтожения личинок малярийных комаров. «Эвкалипт – лучшее дерево для осушки болот. Его очень тяжелая, всякая листва испаряет громадное количество влаги. Малярийные комары не выносят эфирного запаха эвкалиптовых листьев. Эвкалипт убивает малярию, и поэтому в тропиках его зовут «деревом жизни» В Колхиде за два года эвкалипты выросли в семиметровые, мощные деревья. Рост их шел с фантастической быстротой. Старые эвкалипты достигали головокружительной высоты – сто пятьдесят метров» [19, Т. 1. - С. 578].

Прекрасное художественное описание малярии дано в разделе повести «Колхида» - «Бронзовый бюст». «Габуня читал Гиппократа. Он чувствовал приближение малярии. Кровь ныла в теле, как комариный писк. Хотелось лечь, закутаться с головой и ни о чем не думать. Габуня высypал на язык мохнатые кристаллы хины, запил их водой и начал медленно натягивать одеревенелый брезентовый плащ. Могильное безмолвие гудело в голове у Габуньи, как тягучая и липкая кровь. Виски болели. «От хины, что ли?». – подумал Габуня и потер лоб, чтобы прогнать вялые малярийные мысли. Зубы у Габуньи залыгали и голова затряслась. Ледяной холод медленно заползал под черепную коробку. Озноб! Этого он боялся больше всего» [19, Т. 1. - С. 582-583]. «Малярия путала его мысли и доводила до бреда. Последним напряжением воли Габуня заставил себя рвануться с земли, но ноги уже не слушались. Он лег на землю и выругался.

Лихорадка била и швыряла его, как вода в канаве швыряла гнилые пни. Кто-то поднял его и посадил. Малярия довела его до изнеможения» [19, Т. 1. - С. 588-589]. «Инженер Габуния руководил работами, несмотря на тяжелый припадок тропической малярии. Он жестоко простудился и лежит сейчас без сознания с воспалением легких в потийской больнице» [19, Т. 1. - С. 600]. «Хина гудела в голове как шторм. После кризиса настали очень трудные дни. Единственное, что ощущал Габуния, была усталость, глубокая, небывалая усталость, когда он утомлялся от собственного шепота и малейшего движения рукой. Потом несколько дней он спал почти не просыпаясь» [19, Т. 1. - С. 602].

«В связи с болезнью Габунии Чоп вел бесконечные разговоры о малярии: – в царское время гарнизон в Потти начисто вымирал от лихорадки каждые три года. Отсюда и пошла солдатская песня о «погибелном Кавказе». Здесь встречается особенная лихорадка. Она называется «болотным худосочием». При этой болезни температура стоит ниже нормы. Это не болотная, а настоящая потийская лихорадка. Оно и понятно: кругом гниение, вода и тепло, как в Западной Африке» [19, Т. 1. - С. 606].

Не менее внимателен К. Паустовский к другим болезням часто встречающимся в Колхиде, и в особенности к бронхиальной астме, от которой он сам страдал. «Хозяин духана, толстый гуриец, задышался от астмы. Он был равнодушен ко всему на свете, томился от духоты и хмурых мыслей» [19, Т. 1. - С. 530].

В повести «Кара – Бугаз» также немало страниц посвящено медицинским проблемам. Так, гидрограф И.А. Жеребцов (реальная фигура) сообщает: «Кара-Бугаз – место необычайное по сухости воздуха, по едкой и густой воде. Он окружен песками. После плавания в его водах я заболел тяжелым удушьем. Я каждую ночь задышался и форменно умирал от астмы» [19, Т. 1. - С. 424].

Интересное описание лечения, применявшегося туземными врачами-табибами, приводит в этой книге К. Паустовский. «Я поселился в ауле Кульджар, у туземного врача-табиба. Это был коричневый, напыщенный старик-туркмен. Он бесил меня своими способами лечения. Он настаивал красный перец на верблюжьем молоке и растирал этой ядовитой гадостью веки у трахоматозных. Большим сифилисом он давал курить смешанную с табаком и растертую в мельчайший порошок высушенную голову ящерицы – варана. Нарывы он лечил прикладыванием теплого мяса только что убитых щенков. Но самым варварским было лечение дизентерии. От нее летом погибало много детей. Табиб изо всей силы закручивал больному пупок, не обращая внимания на отчаянные крики ребенка. Этот способ лечения в лучшем случае заканчивался грыжей. Табиб знал только четыре болезни – трахому, дизентерию, сифилис и туберкулез желез (золотуху). Все остальные недуги он называл сердечными и лечил их прижиганиями. Способ прижигания напоминал изощренную пытку. Больному туго привязывали к боку тлеющую кошму. Когда ожог, по мнению табиба, достигал нужных размеров, кошму снимали и на обожженное место клали компресс из мочи» [19, Т. 1. - С. 462].

Интересное описание лечения эндемичного гельминтоза (дракункулеза) приводит К. Паустовский в главе этой повести «Старый врун Бекмет»:

«Я помню, что как в пыльной базарной щели в Красноводске вытаскивали из ноги великана туркмена длинного червя – ришту, тонкого как конский волос. Червя осторожно наматывали на спичку. Когда червь начинал идти туго, спичку вместе с червем прибинтовывали к ноге, табиб хлопнул по больному по пыльной спине и отпустил на денек погулять. Все лечение состояло в том, что зацепив головку червя спичкой, его осторожно в течение недели выматывали из-под кожи до конца. Если червь обрывался, то все лечение шло насмарку» [19, Т. 1. - С. 499].

Большое внимание К. Паустовский уделял лекарственным растениям, которые акклиматизировались на Колхидской низменности после ликвидации ужасных малярийных болот. Описывая фрукты будущего, которые только недавно вошли в рацион нашего населения, Паустовский отмечал большую ценность этих растений. «Эти молчаливые существа вырабатывали драгоценные соки в своих корнях, в стволе, в коре, цветах и завязях. Соки эти были разнообразны и крепки как старое душистое вино. Были соки лечебные, ароматические, питательные, предохраняющие от гниения, отвезвляющие и утоляющие жажду. Солнце, воздух, пресная вода, рионский ил – все это создавало плоды с головокружительным запахом. Тут были эвкалипты, розовые бататы, мучнистые и сладкие, больших оранжевые шары грейпфрута, померанцевые плоды – лимоны, апельсины, кинканы и мандарины, в которых заложен таинственный витамин С. Если его не вводить в пищу, начинается цинга, скорбут – болезнь полярных экспедиций, когда из десен течет гнилая кровь, люди вынимают пальцами изо рта ослабевшие зубы и каждое движение кажется каторжной работой» [19, Т. 1. - С. 618]. «Рядом с хурмой лежала скромная мушмала, вылечивающая болезни почек, а также персики всех оттенков – от розового до желтого, которые в Китае считаются символом долголетия» [19, Т. 1. - С. 619].

Важной составной частью творчества Паустовского стали художественные биографии «Орест Кипринский» (1937), «Исаак Левитан» (1937), «Тарас Шевченко» (1939), а также знаменитый сборник эссе «Золотая роза», чтение которого, как утверждают психологи, «становится своеобразным пропуском в лабораторию литературного творчества» [20, 21]. В «Золотой розе» автор замечал: «Каждый человек хотя бы и несколько раз за свою жизнь, но пережил состояние вдохновения – душевного подъема, свежести, живого восприятия действительности, полноты мысли и сознания своей творческой силы» [29]. Эта книга Паустовского – настоящий гимн воображению, животворящему началу культуры, противостояние пресному и подозрительному взгляду на среброкрылый полет человеческой фантазии.

Последние годы творчества мастера были посвящены завершению шеститомной (задумано было восемь книг!) эпопеи «Повесть о жизни», включающей помимо упомянутых нами выше произведений «Далёкие годы» и «Беспокойная юность» также повести, «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг» и «Книга скитаний».

Друзья, родственники и современники писателя отмечают [9-15, 35-37], что в жизни Паустовский был необычайно мужественным человеком.

Его зрение постоянно и прогрессивно ухудшалось (как и у его родной сестры Гали, которая ещё в юности почти перестала видеть), Константина Георгиевича долгие годы донимала бронхиальная астма, но об этом знали только самые близкие люди. Вениамин Каверин отмечал, что это «был человек светлый, весёлый, беспрестанно радовавшийся жизни и умевший внушить эту радость другим». При всей своей мягкости, изысканной вежливости он был человеком железной воли, которая оригинально и тонко соединялись у него с чувством восхищения природой и людьми. Он был душевным и заботливым, когда жизнь сталкивала его с необходимостью быть нужным даже самым незначительным людям, и непреклонно твёрдым, когда встречался с вопиющей несправедливостью. Встречаясь с Паустовским, люди непременно чувствовали в нём какую-то тихую радость. Это было радостное сознание, что он человек искусства, художник слова.

Паустовский любил повторять, что нужно, чтобы в душе звенела постоянно какая-то нота, пусть даже еле слышная мелодия. Прислушиваясь к ней, надо кончать работу, и прислушиваясь к ней же – начинать её на следующий день. Совет этот был, как ни странно, сугубо практический: профессиональный литератор ни на один час не расстаётся с недописанной страницей, постоянно обдумывая, обмозговывая фразы, подбирая слова, следя за извилинами сюжета и выстраивая линию поведения героев своего повествования. Паустовский в течение 20 лет преподавал в Литературном институте, и многие первоклассные писатели с гордостью относили себя к числу его учеников. Паустовского трудно было не любить. Он был обаятельным человеком, придававшим глубокое значение не поверхностной стороне жизни, а тому, что совершается на глубине. В лучших книгах Паустовского воплощена любовь к жизни, напоминание о том, что вопреки любым трудностям, горестям и печалям, бесконечным заботам жизнь всё – таки прекрасна и удивительна.

Тяжёлая бронхиальная астма мучила его долгими годами. Мы уже цитировали письмо Паустовского В.А. Каверину, в котором писал, в частности, следующее: «Я никак не мог привести себя в «надлежащую форму» для спокойной повседневной жизни из-за своей *отвратительной астмы жил я в одну десятую дыхания, и это сказывалось на всём*». Но вот радостное продолжение этого письма: «Но недавно произошло нечто неожиданное и чудесное, что сразу же вернуло меня к нормальной жизни. Астма уходит, и я уже дышу полной грудью, работаю, ловлю рыбу на Оке, свободно прохожу по 8-10 километров после того, как не мог сделать и двадцати шагов. «Виновником» всей этой истории оказался не кто иной, как герой последней книги Александра Бека – «Бережков» - он же авиаконструктор Микулин. Он где-то узнал о моей болезни, неожиданно приехал ко мне в Тарусу, обругал Бека и привёз мне изобретённый им недавно прибор – «ионизатор», который якобы совершенно излечивает астму. Я, признаться, ему не поверил, так как безуспешно перепробовал всё, что возможно, и знал, что никакой Микулин мне новое лёгкое не вставит. К тому же я не понимал, почему Микулин, авиаконструктор, занимается такими медицинскими делами. Объяснить мне это он не захотел. Вообще он произвёл на меня впе-

чатление человека очень талантливого, но слегка авантюриста, чудака и циника. Микулин уехал, а я попробовал его аппарат, и вот через три – четыре дня астма моя начала просто на глазах пропадать. Прибор Микулина вырабатывает ионы – до миллионов ионов в одном кубическом сантиметре воздуха, и вы дышите этим воздухом 10-15 минут в сутки. Микулин утверждает, что дыхание ионами совершенно снимает и гипертонию» [12].

Любопытно, что сам академик Александр Александрович Микулин, родившийся ещё в 1895 году – году открытия вирусов Д.И. Ивановским, прожил очень долгую (более 95 лет) и необычайно плодотворную жизнь, обогатив помимо авиационной технической отрасли практическую медицину и науку о восстановлении здоровья реабилитологией массой оригинальных технических приспособлений и аппаратов, а его автобиографическая книга «Активное долголетие» стала бестселлером и не утратила своего значения и в XXI веке.

В воспоминаниях сына Паустовского Вадима о своём отце мы читаем: «Отношение к спорту у него было специфическим. Например, совершенно не представляю его в качестве болельщика на футбольном матче или соревнованиях по штанге. Иначе обстоит дело со «спортом для себя» [18]. В одном из писем того времени отец сообщает о таком режиме закалывания: «Три раза в день я обливаюсь холодной водой, сплю при открытых настежь окнах, под одной простыней, без белья. Вот уже месяц я не надеваю фуражки и пальто, очень освежил, окреп, помолодел. Все, кто видел меня раньше, поражены этим. И вместе с тем я по ночам много работаю, мало сплю» [12]. Может быть (высказывает своё мнение Вадим Паустовский), подобный режим и помог отцу «написать за четыре – пять лет, несмотря на ежедневную службу в РОСТА, несколько десятков рассказов и маленьких повестей, а также роман «Блестающее облака» [19]. Сын, правда, не помнит, насколько точно этот режим соблюдался. Отметим, что параллельно писателю, к сожалению, не прекращал курение, что было тягостным фактором риска, который отягощал состояние его здоровья.

Своей матери Марии Григорьевне Костя Паустовский писал о своём увлечении так: «Я много работаю, отдыхаю только на лыжах. На лыжах ходим каждый праздник очень далеко...» [18]. За выходной день они с супругой Татьяной Алексеевной на лыжах способны пройти не один десяток километров. Константина Паустовского всегда интересовала жизнь замечательных людей: он пытался найти общее черты их характеров – те черты, что выдвинули их в ряды лучших людей человечества. В вышедшей в серии биографий «Жизнь замечательных людей» книге «Близкие и далёкие» опубликовано 35 очерков К.Г. Паустовского о выдающихся политиках, деятелях культуры и искусства, писателях, военачальниках – от лейтенанта П.П. Шмидта до норвежского композитора Э. Грига, от маршала В. Блюхера до поэта В. Луговского. Кроме отдельных книг о Левитане, Кипренском и Тарасе Шевченко, у Паустовского имеются большие разделы прозы, посвящённые Ленину, Горькому, Чайковскому, Чехову, Виктору Гюго, Блоку, Пушкину, Андерсену, Мопассану, Пришвину, Гайдари, Шарлю де Костеру, Флоберу, Багрицкому, Мультатули, Лермонтову, Моцарту, Гоголю, Эдгару По, Врубелю, Диккенсу, Малышкину и

Грину [21]. Писатель Александр Грин и поэт Максимилиан Волошин даже стали главными героями его замечательной повести «Чёрное море» [19. – Т. 2]. Однако (по его собственному признанию) Паустовский больше всего любил писать о людях простых и безвестных – о ремесленниках, пастухах, паромщиках, лесных объездчиках, бакенщиках, сторожах и деревенских детях – его закадычных друзьях. В своей работе он был обязан многим поэтам, писателям, художникам и учёным «всех времён и народов» – от безвестного автора «Слова о полку Игореве» и Микеланджело до Стендаля и Чехова. Однако больше всего он был обязан своей необыкновенной жизни, наполненной странствиями, многочисленными путешествиями, общением с бесконечным множеством людей самых различных общественных положений. Всё это, весь богатый и пёстрый жизненный опыт он с настойчивым и безудержным стремлением воплощал в своих литературных произведениях [22-24].

С середины 50-х годов и вплоть до своей смерти в 1968 году, К.Г. Паустовский, по сути дела, олицетворял художественную совесть своего времени, человеческое и писательское, бескомпромиссность, а каждое новое его произведение вызвало широкий общественный резонанс. В многочисленных литературных бурях и шквалах той поры, коих было ой как немало, он ни разу не покривил душой, не совершил безнравственного или хотя бы этически сомнительного поступка. Однако тяжёлая и продолжительная болезнь (тяжёлая бронхиальная астма, эмфизема лёгких, пневмоклероз, легочное сердце) привела писателя 15 июля 1968 года к кончине на 77-м году жизни [17]. В огромном зале Центрального дома литераторов многие люди, не скрывая слёз, в голос плакали на гражданской панихиде, порывались пробраться на сцену сквозь казённые заслоны, чтобы сказать что-то об особой роли Паустовского в искусстве и в их собственной жизни, а по улице Герцена тянулась бесконечная прощальная очередь. Всей своей судьбой и замечательным творчеством К.Г. Паустовский неопровержимо доказал, что идея прекрасного, овладевающая талантливым человеком, рождает не только блестящего, выдающегося мастера, но и крупную человеческую личность (так, кстати, было и с А.С. Грином – писателем, которым Паустовский всегда восхищался) [16].

Несколько лет назад в «еженедельной газете интеллигенции» «Культура» была опубликована статья Льва Лобова «Любимое слово подонков – нравственность» с подзаголовком «Мог ли Константин Паустовский получить Нобелевскую премию?» [17]. В статье, в частности, приводится отрывок из дневниковой записи Корнея Чуковского от 27 мая 1968 года (за 18 дней до смерти Паустовского): «...Любимов рассказал мне о подвиге Паустовского. Паустовский очень тяжело, смертельно болел и всё же позвонил Косыгину (тогдашнему Председателю Совета министров СССР, и сказал: «С вами

говорит умирающий писатель Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы снимите с работы режиссёра Юрия Любимова – распадётся театр на Таганке. Погибнет большое дело. Косыгин обещал рассмотреть... В результате – Любимов остался в театре, только ему записали «строгача» (строгий выговор)». Паустовскому вместе с К.И. Чуковским удалось отстоять 116 старинных деревянных церквей в Карелии, которые были в тот период намечены к уничтожению.

В своё время писатель и поэт Владимир Солоухин сказал, что когда ему бывает трудно, он отправляется в «страну» Паустовского. Очень полезна эта страна, всё в ней знакомо, дорого. Паустовский для Солоухина предстаёт «учителем, добрым волшебником, передающим свои чувства, мысли и настроения» [6].

Писатель Глеб Горышин свидетельствовал: «Паустовский, его книги, его Чёрное море, его золотые линии и дождливые рассветы были с детства со мной... Без них я, наверное, жил бы не так хорошо, как прожил свои 28 лет. То есть было бы всё точно так, как вышло в моей жизни, только я бы не знал, не увидел, как много кругом красоты и добра» [13].

Знаменитейший певец Сергей Яковлевич Лемешев говорил: «... есть писатель, который дорог мне своими рассказами, повестями, сказками, всегда начинающимися с описания природы. Делает он это с неподражаемым мастерством и огромной любовью к людям, живущим в его рассказах в тесном общении с природой. Они вызывают сочувствие или восхищение, тихую грусть или размышление, всегда волнуют. Этот писатель – Константин Паустовский. Он мне особенно близок, так как я сам люблю природу и мне многое может сказать самый незначительный кустик или деревце, за которыми я наблюдал, видя их возрождение весной и замирание осенью» [36].

Великая киноактриса, звезда Голливуда Марлен Дитрих (1901 – 1992), которая считалась самой элегантной женщиной мира, во время триумфальных гастролей в Ленинграде прямо на сцене под гром оваций опустилась на колени перед Константином Паустовским, чьим творчеством всегда искренне восхищалась. Марлен умела с потрясающей силой выражать свои чувства [34].

Пребывание в «стране» Паустовского оставляет глубокий след в сознании и чувствах читателя, особенно читателя – медика. Писатель, счастливо нашедший своё призвание ещё в гимназические годы, всегда приходит на помощь тем, кто хочет искренне любить жизнь, природу, людей, искусство. Паустовский открывает нам глаза на неприметную красоту в повседневности и неповторимость в шедеврах произведений искусства. Творчество Паустовского дорого миллионам людей во всём мире, поскольку в каждом человеческом сердце есть струна, отзывающаяся даже на слабый призыв прекрасного, доброго и вечного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агатов М.В. Об авторах ваших книг. Литературные композиции / М.В. Агатов. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 656 с.
2. Андерсен Х.К. Сказки [перевод с датского] / Х.К. Андерсен. – Л.: Художественная литература, 1981. – 272 с.
3. Боборыкин В.Г. Михаил Булгаков / В.Г. Боборыкин. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
4. Борхес Х.Л. Расследования [эссе и статьи] / Х.Л. Борхес. – [пер. с исп.]. – СПб.: Амфора, 2009. – 460 с.
5. Вечные спутники: Советские писатели о книге, чтении, библиофильстве / Сост. А.В. Блюм. – М.: Книга, 1983. – 223 с.

6. Вслух про себя: сборник. / Составитель **Р. Коканова**. М.: Детская литература, 1975. – 320 с.
7. Встречи с прошлым. Выпуск I.- М.: Сов. Россия, 1983. – 223 с.
8. Золотые афоризмы. / Автор – сост. **И.Б. Говвердовская**. – Харьков: Аргумент Принт, 2011. – 304 с.
9. **Измайлов А.Ф.** Наедине с Паустовским / **А.Ф. Измайлов** – Л.: Наука, 1990. – 136 с.
10. **Ильин В.** Константин Паустовский. Поэзия странствий / **В. Ильин**. – М.: Сов. Россия, 1967. – 134 с.
11. История русской советской литературы: 1917 – 1965: [в 4-х т.] / [ред. **А.Г. Дементьев, Л.И. Поляк, Л.И. Тимофеев**]. – [2-е изд]. – Том IV. – М.: Наука, 1971. – 768 с.
12. **Каверин В.А.** Письменный стол: Воспоминания и размышления / **В.А. Каверин**. – М.: Сов. писатель, 1985. – 272 с.
13. **Ковский В.Е.** Реалисты и романтики. Из творческого опыта русской советской классики / **В.Е. Ковский**. – М.: Худож. литература, 1990. – 383 с.
14. **Кременцов Л.П.** К.Г. Паустовский (талант – мировоззрение – мастерство) / **Л.П. Кременцов**. – Ростов-на-Дону, 1975. – 121 с.
15. **Кременцов Л.П.** К.Г. Паустовский. Жизнь и творчество. Книга для учителя / **Л.П. Кременцов**. – М.: Просвещение, 1982. – 96 с.
16. Кто есть кто в мире / Гл. ред. **Г.П. Шалаева**. – М.: СЛОВО, Эксмо, 2006. – С. 1108 – 1109.
17. **Лобов Л.** Мог ли Константин Паустовский получить Нобелевскую премию? / **Л. Лобов** // Культура. – 2007. - № 25 (7638). – С. 4.
18. **Паустовский В.** В ту зиму... «спорт для себя» Константина Паустовского / **В. Паустовский** // Физкультура и спорт. – 2009. - № 2. – С. 30.
19. **Паустовский К.Г.** Собрание сочинений [в 6 т.] / **К.Г. Паустовский** / - М.: Художественная литература, 1958. – Т. 1 – 648 с.; Т. 2 – 704 с.
20. **Паустовский К.Г.** Книга о художниках / **К.Г. Паустовский**. – М.: Искусство, 1966. – 152 с.
21. **Паустовский К.Г.** Близкие и далёкие / **К.Г. Паустовский**. – М.: Молодая гвардия, 1967. – 400 с.
22. **Паустовский К.Г.** Собрание сочинений [в 8 т.] / **К.Г. Паустовский** М.: Худ. литература, 1970. Т. 8 – 448 с.
23. **Паустовский К.Г.** Рассказы. Очерки. Статьи / **К.Г. Паустовский**. – М.: Художественная литература, 1972. – 527 с.
24. **Паустовский К.Г.** Во глубине России: Повести и рассказы / Сост. **Г.А. Арбузова**. – М.: Московский рабочий, 1982. – 286 с.
25. **Паустовский К.Г.** Начало неведомого века. Время больших ожиданий / **К.Г. Паустовский**. Повести. – Киев.: Дніпро, 1985. – 400 с.
26. **Паустовский К.Г.** Повесть о лесах / **К.Г. Паустовский**. – Воронеж: Центр. – Чернозём. кн. изд-во, 1987. – 223 с.
27. **Паустовский К.Г.** Золотая роза: Повести / **К.Г. Паустовский**. – Кишинёв: Лит. Артстикэ, 1987. – 608 с.
28. **Паустовский К.Г.** Далёкие годы. Беспокойная юность. Повести / **К.Г. Паустовский**. – Киев: Дніпро, 1987. – 510 с.
29. **Паустовский К.Г.** Золотая роза: Психология творчества / **К.Г. Паустовский**. – М.: Педагогика, 1991. – 224 с.
30. **Паустовский К.Г.** Повесть о жизни / **К.Г. Паустовский**. – М.: АСТ, 2007. – 640 с.
31. 500 знаменитых людей планеты / Составитель **Л.Д. Киркач-Осипова**. – Харьков: Фолио, 2006. – 991 с.
32. Сто видатних українців. – Київ: вид-во «Арій», 2006.- С. 74 – 78.
33. Сто великих кумиров XX века / **И.А. Мусский**. – М.: Вече, 2007. – С. 134 – 139.
34. **Царик Д.К.** Константин Паустовский. Очерк творчества / **Д.К. Царик**. – Кишинёв: Штиинца, 1979. – 124 с.
35. **Чалмаев В.А.** Свод радуги: Литературные портреты / **В.А. Чалмаев**. – М.: Сов. Россия, 1987. – 464 с.
36. **Штокман И.** «...Давно пора мне мир увидеть новый...» Константин Паустовский: «Разливы рек» - историческая правда и художественный мир новеллы / **И. Штокман** // Вопросы литературы. – 2009. - № 1. – 120 – 128 с.
37. Энциклопедия мудрости. Литературно-художественное издание / изд-во Симферополь: «Буколика», 2007. – 815 с.

Пересадин Н.А., Фролов В.М. Константин Паустовский: медицинские аспекты биографии и творческого наследия замечательного писателя (к 120-летию со дня рождения) // Український медичний альманах. – 2012. – Том 15, № 3. – С. 148-158.

В статье отражены медицинские и общественные аспекты биографии и творческого наследия замечательного отечественного писателя Константина Паустовского (1892 – 1968).

Ключевые слова: Паустовский, биография, творчество, медицинские аспекты, общественная деятельность.

Peresadin M.O., Frolov V.M. Константин Паустовский: медичні аспекти біографії та творчої спадщини видатного письменника (до 120-річчя з дня народження) // Український медичний альманах. – 2012. – Том 15, № 3. – С. 148-158.

У статті відображені медичні та громадські аспекти біографії та творчої спадщини видатного вітчизняного письменника Константина Паустовського (1892 – 1968).

Ключові слова: Паустовський, біографія, творчість, медичні аспекти, громадська діяльність.

Peresadin N.A., Frolov V.M. Konstantin Paustovskiy: medical aspects of biography and creative legacy of famous writer (to the 120-year from the day of birth) // Український медичний альманах. – 2012. – Том 15, № 3. – С. 148-158.

In the article are described the medical and public aspects of biography and creative legacy famous domestic writer Konstantin Paustovskiy (1892 - 1968)

Key words: Paustovskiy, biography, creation, medical aspects, public activity.

Надійшла 15.04.2012 р.
Рецензент: проф. В.І.Лузін